

Школа общины с Хулианом Карроном
Милан, 20 февраля 2019 г.

Текст: Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 250–254

- *Along the Jordan River*
- *Il popolo canta*

Слава...

Мы продолжаем работать над темой святости и сегодня коснемся двух характеристик, следующих за чудом: равновесия и интенсивности. У вас возникло много вопросов.

У нас в группе были сложности с пониманием равновесия с точки зрения жизни. В частности, нам не ясно, каким образом соотносятся единство и равновесие, единство как признак действительности Церкви в разных его проявлениях (единство сознания, объяснения реальности и строя жизни) и равновесие как один из опознавательных знаков святости в Церкви. Итак, вот наши вопросы. Равновесие – это следствие единства? Равновесие – это единство, которое охватывает измерение вечности, вплоть до приятия смерти? Прошу тебя привести какие-нибудь примеры. Лично мне в голову пришло письмо, в котором ты сообщил нам о смерти твоей мамы.

Ты, когда слушала песни, которые мы только что пели, не получила какого-то намека на ответ?

Ну... Да.

Когда у человека есть вопрос, ему проще уловить признаки ответа. Где ты услышала о равновесии и интенсивности в этих двух песнях? Хотя бы краем уха?

Там говорилось о переживании единства в рамках замысла Отца...

О чем ты? Прости, где именно в том, что мы спели, говорилось о «замысле Отца»? В чем состоит этот замысел Отца, согласно тому, что мы спели?

В том, что каждый человек на своем месте.

Найди эту мысль в том, что мы спели, а то получается, что песни, которые мы поем, – не более чем музыкальное украшение наших встреч.

В песне «Il popolo canta» говорится, что каждый находится на своем месте.

«Я чувствую жизнь, которая вспыхивает в моем сердце!» А в «Along the Jordan River» рассказывается об учениках: «Глубоко внутри огонь обжигает их душу [вспыхивает!], согревает сердце, в то время как в них растет новое сознание: без Него они уже не в состоянии что-либо понимать; в глубине души им ясно: Он Господь». Речь о единстве настолько мощном, что от него рождается равновесие.

Хорошо. Так значит, единство, равновесие...

Прежде чем что-то разъяснять, Иисус позволяет ученикам пережить опыт, который потом постепенно они осознают. С нами произошло то же, и именно поэтому мы здесь. Если бы ничего не вспыхнуло в нашем сердце, нас бы тут не было. Сейчас, две тысячи лет спустя, и мы переживаем точно такой же опыт, какой переживали ученики в самом начале. Однако остается вопрос,

который задала ты: что это означает с точки зрения жизни? Песни дали нам подсказку. Если мы внимательны ко всему, что делаем на наших встречах, где песни – я настаиваю на этом! – не являются лишь музыкальным украшением, то уже они помогают нам погрузиться в содержание текста. На школе общины все говорит.

Меня поражает, как Джуссани и Церковь наделяют обычные для меня слова таким широким и истинным смыслом, что они кажутся мне новыми.

Видите? В опыте вещи становятся новыми.

Читая пункт о равновесии, я словно спустилась в самые свои глубины. Я всегда думала: уравновешенный человек – это человек, во всем знающий меру, способный дозировать свои реакции в соответствии с ситуацией, это человек без шероховатостей, умеющий быть правильным посредником, человек, не помешанный на чем-то одном и т.д. «Говоря о равновесии... я не имею в виду механически застывшие чаши весов жизни в ее борениях и страстях, баланс между инстинктами и добродетелями. <...> «Источник равновесия – бьющее через край богатство Сущего, которое... овладевает человеком и которое дано человеку, чтобы тот его свободно принял как единственный критерий жизни» (Ср. С. 250–251). Так значит, равновесие, о котором говорит отец Джуссани, возникает от этого «овладевания» моей человечностью? На днях у меня случился горячий спор с коллегой, потому что принятое им решение казалось мне абсолютно неразумным. Мы оба твердо стояли на своем и расстались не лучшим образом, по сути не оставив места пониманию. Мои коллеги, присутствовавшие при нашей дискуссии, сказали мне: «Ты права, мы согласны с тобой». Я села в машину, чтобы поехать домой, и все думала о произошедшем и была очень огорчена... Что-то в самой себе мне совсем не понравилось и не давало покоя. В то же самое время я получила ряд сообщений от моего родственника, которые буквально лишили меня дара речи и наполнили болью от того, как трудно приходится его сыну. Онемевшая, обездвиженная, беспомощная, я так хотела бы сделать все для него, я хотела бы снять всю тяжесть с его плеч и пережить ее за него... Но потом я подумала: единственное, чего я по-настоящему желаю для него, – это чтобы он был счастлив. Так что, боль – синоним несчастья? В то мгновение близость с Тайной вышла на первый план, и все во мне стало другим, словно осмысленным в полной мере и до глубины, словно я зажила как вновь освобожденный человек. У меня опять возникло ощущение дискомфорта и горечи из-за случившегося на работе. Мне стало жаль, что все так закончилось, и, по правде, я не была согласна с моими коллегами. Если бы я могла вернуться в тот момент, я бы спросила у всех: «Почему мы так разошлись? Что мы защищаем? Что нам нужно увидеть, чего мы еще не видим?» Все в тот момент как будто показало себя с другой стороны. «Равновесие представляется и проявляется как не-фрагментарность и не-заикленность человека в его стремлении к идеалу собственной целостности» (Ср. С. 251). Вот, это меня крайне интересует, я хочу жить на все сто, и не потому, что я что-то в себе вычеркиваю, что-то преуменьшаю или довожу до крайности, а потому, что во мне как будто есть что-то настолько всеохватное, что это позволяет мне жить полно.

Иначе говоря, равновесие – не просто знание меры, отсутствие шероховатостей, помешанности на чем-то одном. Твой пример это подтверждает: если ты злишься на работе, то, разумеется, шероховатости у тебя есть. Из сложившейся ситуации ты вышла не за счет собственных усилий, а благодаря опыту, исполненному присутствия Тайны. «В одно мгновение близость с Тайной вышла на первый план», и горечь сменилась освобождением, о чем свидетельствует тот факт, что ты уже ничего не хочешь защищать, тебе не нужно ничего защищать. И ты вернулась бы к моменту спора, чтобы сказать другим о том, каким заикленным и фрагментарным был твой взгляд. Вот что значит, с точки зрения опыта, равновесие, описанное в тексте сегодняшней школы общины. Отец Джуссани называет его «преизбытком», и именно этот преизбыток делает нас настолько свободными, что можем выйти тупика, в который часто себя загоняем. Свобода наступает

не в результате продуманного плана действий, а благодаря преизбытку. Но откуда возникает такой взгляд на жизнь?

В последнее время в работе над школой общины нас очень поразило пункт о равновесии, особенно то место, где отец Джуссани говорит: «Проживая таинство общения с Богом во Христе, учишься соотносить все вокруг с единственной ценностью, в результате чего все суждения и решения начинают исходить одной мерой. ...»я“ ощущает себя единым со всем сущим и внутри всего сущего, даже перед лицом смерти» (Ср С. 251). В проповеди на похоронах твоей мамы ты сказал: «Всякий раз, когда уходит дорогой нам человек, остается сожаление о том, что нельзя пойти вместе с ним». Прочитав эти слова, мы согласились друг с другом: «По Каррону очевидно, что Христос – это высшая степень полноты, какую только можно желать». Такая позиция словно обнажает нас, провоцирует, припирает к стенке, заставляет быть честными и считаться с нашими взглядами на жизнь, с нами самими и со смертью. Какой путь позволяет достичь этого сознания – прежде всего в том, чего мы не понимаем? Нам ясно, что, если наша вера не доходит до него, мы остаемся с нашими идеями о том, как все должно складываться.

В том, что ты прочитала, отец Джуссани не дает никаких подсказок о пути?

Отец Джуссани, во-первых, говорит о преизбытке.

И как достичь такого преизбытка?

Нужен путь сознания.

То есть? Повтори цитату отца Джуссани, которую ты привела! А то иногда мы читаем тексты и не замечаем именно в том, что читаем, искомый ответ.

«Проживая таинство общения с Богом во Христе, учишься соотносить все вокруг с единственной ценностью, в результате чего все суждения и решения начинают исходить одной мерой. ...»я“ ощущает себя единым со всем сущим и внутри всего сущего, даже перед лицом смерти».

Вот такое полноценное отношение со Христом и есть единственный путь. Не то что человек должен готовиться к смерти, прибегая к специальным техникам. Нет, к смерти готовишься, живя в общении с Богом во Христе. И тогда перед лицом смерти такого дорогого человека, как мама, ты вдруг с изумлением замечаешь в себе определенное самосознание, и не потому что ты супермен или обладаешь незаурядными способностями. Нет, просто эта близость стала играть столь решающую роль, что ты уже не можешь смотреть на реальность и видеть вещи вне их связи с тайной общения с Богом. И потому и в смерти ты видишь не что иное, как возможность еще больше – всецело – приобщиться к отношению со Христом, которое начал переживать здесь, на земле. И поэтому я жалею только об одном: что не могу сразу же пойти за мамой. Но связано это не с желанием умерщвления, а с опытом, который я переживаю в настоящем. Путь, по словам отца Джуссани, заключается в близком отношении со Христом, приносящем свои плоды, и ты с удивлением замечаешь их в себе. Плоды участия в жизни Церкви приносим не мы, не нам удастся произвести их своими силами, согласно нашим планам. Эти удивительные плоды появляются от погруженности в жизнь Церкви. Так было с учениками: в первое же мгновение на берегу реки Иордан огонь обжег их души, даровав им новое самосознание. Когда и мы приобщились к такому месту, наше сердце вспыхнуло, жизнь вспыхнула в сердце. Только это позволяет переживать все не заиклено, не фрагментарно. В противном случае, когда в повседневности сталкиваешься с какой-то проблемой, например, касающейся здоровья, на первый план выходит волнение, беспокойство. Об этом пишет мне одна женщина, живущая за границей. Единственное, что позволяет ей справляться с беспокойством, – отношение с человеком, который заботится о ней.

И ее это удивляет, поскольку присутствие Христа становится столь очевидным, что она ощущает настоящее освобождение.

В пункте о равновесии написано, что это «то богатство, тот избыток, о которых Иисус говорит: „Мерю доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплю вам в лоно ваше“, – имея в виду то, что Бог дает принявшим милосердие Отца в качестве жизненного критерия» (С. 251). Прочитав эту фразу, я долго над ней размышляла, пытаюсь на собственном опыте понять, что на значит.

Прекрасно! Наконец-то мы начинаем усваивать метод сопоставления текста с нашим опытом: прежде чем ломать голову, стоит поискать в собственном опыте, чтобы именно там заметить значение читаемых слов.

Неожиданно для себя я признала критерий милосердия в опыте моего призвания. Когда я оглядываюсь на тридцать лет, прожитых в браке, я не могу с удивлением не признать, Кто все это время созидал на фундаменте наших с мужем ограничений.

С удивлением!

Я не должна отрицать их или упускать из виду, наши ограничения стали инструментом в истории, которую направляет Другой. Однако, если потом я наблюдаю за своими действиями в повседневной жизни, то уже больше не понимаю, что такое этот критерий милосердия. Мне кажется, он сродни такой грандиозной «амнистии», в результате которой все в конце концов улаживается обобщенным и натянутым «ладно», даже когда есть острые углы и контрасты, непонимание и боль. Как будто равновесие – это безропотное смирение. Но человек вроде меня, обладающий не слишком примирительным темпераментом, не может спокойно согласиться с такой грандиозной «амнистией». И поэтому, думаю, равновесие, о котором говорит отец Джуссани, заключается в чем-то другом. Помогите мне разобраться, что это за критерий милосердия, применяемый в повседневной жизни.

После тридцати лет брака ты с удивлением заметила, какой опыт пережила. Что же он тебе подсказывает, когда у тебя появляется искушение трактовать равновесие как результат «амнистии», безропотного смирения?

Мне как раз таки эти два момента и сложно совместить.

Именно. Мы переживаем опыт равновесия, потом возникает вопрос – правильный, справедливый (поскольку порой кажется, что равновесие – это баланс, результат смирения, «амнистии», словно все совершенно одинаково), и опыт, который мы пережили, не помогает нам ответить на него. В твоём опыте есть начатки ответа. Все эти годы совместной жизни, все эти тридцать лет – можешь ли ты объяснить их как результат некой «амнистии»?

Нет.

Видишь? Как только я вынуждаю тебя рассуждать о твоём вопросе с точки зрения опыта, ты говоришь нет. Весь мир между вами – лишь безропотное смирение?

Нет.

Нет! Ничего бы не было, тридцать лет, прожитых так, оказались бы невозможны. Ты бы не выдержала.

Точно.

И потому равновесие нельзя объяснить безропотным смирением. Это очень интересно. Порой у нас могут возникать определенного рода вопросы или разные странные мысли. Но нужно вдуматься в них и вынести о них суждение. Ты не должна ложиться спать, не спросив себя, были ли тридцать лет совместной жизни «амнистией», безропотным смирением или нет. А иначе нам так и не удастся убить вирус, он продолжает распространяться в нас, и мы пускаем все на самотек. Но ты в твоём опыте победила вирус, и тебе необходимо это осознать! Тогда ты понимаешь, что речь не об «амнистии» и не о смирении, поскольку – будем говорить начистоту! – ты, несмотря даже на твой не слишком примирительный темперамент, прожила тридцать лет в равновесии. Со всеми твоими и твоего мужа ограничениями, от которых никто вас не избавил, вы прожили в равновесии. Милосердие – часть того, о чем мы говорили в другие разы: ты живешь и вдруг замечаешь в твоей жизни преизбыток, в силу которого «выделяешь положительное, пусть и несовершенное, а все прочее оставляешь милосердию Отца» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 159). И так ты начинаешь смотреть взглядом, полным милосердия, сознавая, что замысел Божий совершается постепенно, он не исполняется один раз и навсегда. Это путь, и по нему надлежит идти, даже когда нас переполняют ограничения.

Поразительно, как, несмотря на все мое сопротивление, Он снова и снова возвращает меня к Себе. Читая пункт о равновесии, я подумала: «Ну, после святости и чуда это просто; я поняла, что имеется в виду под равновесием, что речь о том преизбытке, который лишь жизнь в отношении Христом может дать мне». Однако в последнее время (и это не случайно) мне сложно переживать опыт отношения со Христом. Особенную боль причиняют мне отношения, которые заставляют спрашивать: «Почему я не вижу в них Тебя, Господи?» Я понимаю, что полностью погружена в это отношение, а иначе я не могла бы даже мое имя произнести. Но, поскольку речь идет об отношении, от меня требуется жить им, а не понимать его. Именно так происходит в отношении с моим мужем. Что пользы понимать отношение с ним? Я желаю жить им. Так случилось, что один мой близкий друг тяжело заболел, и первой моей реакцией стала злость от такой несправедливости. Почти месяц я не могла даже пойти и навестить его, настолько я сердилась на Бога.

Жизнь сложная штука, в ней всякое бывает. Не нужно пугаться!

Потом как-то раз на школе общины мы перечитали одно из январских выступлений, в котором говорилось, что все, все, даже наши ограничения, наша грусть, все может стать возможностью отношения с Тайной. После школы общины я в слезах пошла к подруге и рассказала, что очень злюсь из-за болезни нашего друга. Она повторила, что все, даже моя злость, может стать возможностью отношения со Христом и что неважно, в каком я состоянии, важно дойти до сути вопроса. Спустя несколько дней я набралась смелости и написала моему другу обо всем, что переживала в связи с его болезнью, о моей злости... А он поблагодарил меня! Невероятно. Он сказал, как удивительно было, что я могла так говорить, что я была самой собой и настолько серьезно вошла в отношение с ним. В следующую субботу он пригласил меня и некоторых друзей к себе домой, чтобы петь песни. Ты представить себе не можешь, как прекрасно мы пели вместе. Это была импровизация, но вышло лучше, чем когда мы порой готовимся. В тот день для меня стало очевидно, что такое равновесие, описанное в школе общины: нечто большее, преизбыток, объектом которого я являюсь. Чтобы заметить это, я должна была пребывать в том отношении: хоть я и злилась, но была в отношении. Конечно, проблемы не разрешились, боли не стало меньше – ни моей от болезни друга, ни его. Но в рамках отношения со Христом все для меня более истинно.

Это путь, о котором спрашивали ранее. И от того, что мы вступили на него, удары судьбы не исчезли. Если мы не видим победу Христа во всех перипетиях жизни, если мы повержены ими, то рано или поздно и мы станем скептиками: все хорошо, когда мы приходим на школу общины, все хорошо, когда мы говорим с друзьями, а вот перед лицом жизненных вызовов... Поэтому Бог ни от чего нас не избавляет. Только так мы сможем увидеть победу Христа. Поэтому либо мы учимся любить нашу человечность как она есть («как человечна моя человечность!»), человечность, которая злится, которая не смиряется безропотно, не прибегает к «амнистии», когда ей что-то непонятно, человечность, которая до конца честна с самой собой, – либо мы учимся любить ее, либо нам конец. Именно там, перед лицом твоей боли, начинается самое замечательное, поскольку, как подсказывает нам отец Джуссани, боль тоже является возможностью переживать отношение со Христом, «таинство общения с Богом», в результате чего учишься во всех суждениях и решениях исходить из этого отношения. Тебе не нужно сначала разобраться со своей злостью, а уж потом вступать в отношение со Христом. Ты живешь в отношении с Ним, даже когда злишься, такой, какая ты есть, с твоей человечностью, с твоими ранами, с твоими страданиями, с твоими тяготами. И тогда происходит что-то удивительное: ты получаешь с избытком. Будь мы способны на такое своими силами, то зачем бы нам понадобился Он? Преизбыток появляется и в боли: не потому, что все идет хорошо, а потому, что есть Он. Слава богу, Ты есть, Христе! И я в любой ситуации могу войти в отношение с Тобой. Поэтому «источник равновесия в христианской святости [источник, который мы не должны упускать из виду] – бьющее через край богатство Сущего [посмотрите, какое слово использует отец Джуссани, – преизбыток], которое... овладевает человеком». Оно овладевает человечностью нашей подруги и позволяет ей изменить позицию в отношении коллег – настолько, что ей хотелось бы вернуться назад и сделать шаг им навстречу. Оно овладевает человечностью, охваченной злостью из-за болезни друга. Оно овладевает человечностью другой нашей подруги, которой трудно отличить равновесие от безропотно смиренного. Оно позволяет нам вновь распахнуть взгляд, освободившись от фрагментарного, заикленного способа жить. Но нам хотелось бы дойти до этого сию же минуту, правда? И тогда мы обнаруживаем, что находимся в неустойчивом состоянии.

Расскажу о маленьком факте, который позволил мне вернуться в нужную колею. Несколько недель назад одна коллега сделала мне очень больно, рассудив обо мне несправедливо. Из-за этого я словно оказалась в черной дыре и потеряла собственное лицо. Я спросила себя: «Кто я такая, если она видит во мне только это?» Я начала спрашивать у других коллег, с которыми больше общаюсь: «Вы тоже видите во мне это?» – и так все больше усугубляла ситуацию.

Будьте внимательны: это прекрасное замечание. Человек думает разрешить ситуацию за счет собственного плана действий, но все становится еще хуже, чем раньше.

Действительно...

«Действительно».

Действительно, я не только сама начала подстраиваться под некую мерку, стараясь избегать определенного поведения, чтобы не вступить в конфликт, я начала подгонять под эту мерку мою коллегу и ее действия.

Отлично!

В результате я стала подавленной и грустной и уже больше не знала, как все начать заново. Потом я прочитала отрывок из школы общины, где говорится: «Источник этого богатства – решительная устремленность сознания к Богу. ...ты учишься соотносить все вокруг с единственной ценностью, в результате чего все суждения и решения начинают исходить из одной меры. ...единственная Реальность как критерий, и мера, и образ действия пронизывает

своим светом все вокруг, и „я“ ощущает себя единым со всем и во всем» (Ср. С. 251). Читая эти строки, я заметила, что желаю для себя такой взгляд больше всего на свете, поскольку мои попытки проанализировать себя и мою коллегу только привели меня в угнетенное состояние. И я признала, что в моей жизни этот единственный критерий уже существует в определенном месте и связан с лицами определенных людей. В самом деле, в те дни я возвращалась домой подавленной, но истина, в свете которой мы с подругами подходили к некоторым вопросам, возвращала мне мое лицо и вновь вкладывала в мое сердце желание смотреть на все, отталкиваясь от этой истины, даже на мою коллегу! Однако, хотя я и признаю все это, мне случается жить в неустойчивом состоянии, со взлетами и падениями, с моментами свободы и захождения в тупик. И поэтому хочу спросить тебя: как можно всегда отталкиваться от этого единственного критерия?

Прежде всего, что значит неустойчивое состояние?

Что иногда я свободна, а иногда в тупике...

То есть уже есть моменты, в которые ты свободна.

Да.

В твоём опыте уже есть такая свобода. Что до остального, то все моменты, в которые тебе этой свободы недостает, позволяют тебе проверить, помогает ли пережитый опыт в отношении со всеми вещами. Ты должна убедиться: твой опыт действителен не только в отдельных ситуациях, но всегда, существует единый критерий для всего. Ты процитировала фразу из текста школы общины: «Источник этого богатства – решительная устремленность сознания к Богу». Отец Джуссани постоянно ставит перед нами единственный критерий – отношение. Он называет его «решительной устремленностью сознания к Богу», «переживанием таинства общения с Богом», «бьющим через край богатством Сущего», отношением с Сущим. Все это разные способы описания одного критерия, и это тот же критерий, с которого началась история на берегу реки Иордан. Первые двое учеников вступили в отношение с Человеком, Который навечно внес в историю этот пыл, этот обжигающий сердце огонь. И мы тоже являемся частью этой истории, поскольку чувствуем, как в нашем сердце вспыхивает жизнь. И это доступно каждому, вне зависимости от темперамента, от наших планов. Все зависит от того, насколько мы участвуем в этом отношении, насколько в нас растёт сознание, решительно устремленное к Богу. «Речь не о том равновесии, какого можно достичь с помощью приемов, направленных на умелое отмеривание задействованных сил; речь о равновесии *homo viator* (человека-путника), о динамике, делающей более конкретным и полным путь, делающей более полным паломничество по этой земле, ибо к нам приблизился и вместе с нами идет Тот, Чья полнота объясняет жизнь и щедро раздает ее. „Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?“...» (Ср. С. 253). Если бы ученики из Эммауса не пережили опыт печали после Его смерти, опыт возвращения домой в разочаровании («Мы надеялись, но...»), они, встретив Его на своем пути, не обнаружили бы в себе тот уникальный опыт: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?» Следовательно, важно лишь одно – быть внимательными. А почему важно быть внимательными? Потому что «можно пройти мимо чуда, мимо человеческого равновесия, мимо интенсивного опыта святости в Церкви [где Он действует], глядя на них с позиции глубокой отчужденности [и ничего не увидеть: не потому что ничего не происходит, а потому, что мы отчуждены]. Это, однако, означало бы нежелание впустить в собственный подлинный опыт характеристики Церкви, как сама она того желает. Чтобы „видеть“ [не воображать то, чего нет, а видеть, отдавать себе отчет в том, что есть] и верить, глаза [глаза, а не воображение, не фантазия и не мечты, – глаза!] должны уметь останавливаться на объекте взглядом, оживленным хотя бы минимальной способностью к симпатии» (Ср. С. 254). Все зависит от этой симпатии, позволяющей нам распознать Его присутствие по знакам. Достаточно симпатии, которая есть «естественное условие любого

познания» (*Там же*). «Любовь дает глаза, чтобы видеть: самый факт любви позволяет видеть» (*Там же*). Это противоположность любого морализма, любого самовнушения, любой стратегии. Все просто: чтобы видеть, достаточно любить, потому что чудеса – способ, с помощью которого Бог заботится о нас. Это ясно увидели наши друзья из Флоренции благодаря Катерине Морелли – нашей подруге, которая недавно умерла. После похорон один из них написал мне: «Поразительно, в те дни я не только постоянно помнил о школе общины: без нее я упустил бы из виду многое из того, что мне удалось увидеть». Именно так помогает нам школа общины. От нас не требуется ничего себе придумывать, она позволяет нам занять определенную позицию, чтобы видеть происходящее. Наш друг говорит: «Я увидел». Не: «Я вообразил, придумал, убедил себя». «Я увидел». «Прежде всего *святость*. Думаю, именно она оказалась для всех наиболее очевидной. Великим утешением для меня было находиться перед Катериной и думать, что я нахожусь перед святой. Разумеется, от этого не исчезла ни боль, ни вопросы, ни несоразмерность произошедшего [как раз потому, что это не был плод его воображения]. Однако перед ее телом, давно больным (больным – это то, что мир отвергает, отбраковывает, подавляет), уже слышались торжественные отголоски святости, о которых учит нас в этот период отец Джуссани. Чудо. Никто не сможет сказать, что не случилось чудо, на этот раз действительно превосходящее любое воображение. В прошедшие дни, месяцы, годы [речь не идет об отдельном моменте коллективного экстаза, всеобщего заблуждения, поскольку всеобщее заблуждение не может длиться месяцами, годами] мы, естественно, постоянно молились „о другом“. Не будем притворяться: все мы надеялись на беспорный знак Небес, который отменил бы неотвратимый конец... Однако все мы оказались перед чем-то прежде невиданным, что невозможно было представить на мгновение раньше. Я говорю о чуде народа, который пробудился [пробудился!], оживился и стал просить и для себя частичку великого события, совершавшегося в той молодой женщине. *Равновесие*. Как говорит отец Джуссани, равновесие – это не стабильность жизни, а ее богатство, которое способно возникнуть лишь от преизбытка всего, что было даровано. Катерина показала нам, что уравновешенная жизнь, то есть жизнь цельная, единая, возможна, только когда ты принимаешь все происходящее с тобой. Кому не хотелось бы переживать незначительные события и грандиозные битвы, смотря на них взглядом Катерины? Кто не желает для себя такой взгляд, способный обнять и жизнь, и смерть? *Интенсивность*. Ее я по-настоящему понял уже на похоронах: интенсивность зародившихся отношений, прожитой жизни, а также непомерной боли, интенсивность, которая разверзла небеса и позволила нам глазами, полными слез, увидеть, что жизнь не может закончиться, когда тело заболевает, когда сердце перестает биться. Воля Божия не просто делает жизнь сносной, красивой, такой, что ее можно прожить, она делает ее совершенной. Уступить воле Божией – единственное стоящее действие в жизни. Святые – огонек, горящий во мраке ночи. Я никогда тебя не забуду». Вот что мы можем видеть, когда допускаем, чтобы в нашем взгляде преобладала симпатия, любовь к тому, что мы видим.

Остался последний вопрос, который я прочитаю, поскольку человек, который его задал, не смог приехать из-за работы: «Что понимает отец Джуссани под интенсивностью?» Обращаю его к вам.

Я толком не знаю, что происходит в моей жизни. Я встретил Движение много лет назад и могу сказать, что жил в Движении интенсивно, переживал интенсивный опыт. Мне повезло лично познакомиться с Джуссани. Я окончил университет, женился, у меня прекрасная семья и неплохая карьера. Однако я много лет провел в забвении, обратившись к чему-то другому. Но я всегда оставался здесь, привязанным к людям, к моей жене, к самым близким друзьям, которых Господь дал мне. Сегодня я живу истиной и сознанием, о которых почти забыл. Почти, потому что на самом деле, когда что-то встретил, это невозможно забыть. Сейчас все в моей повседневной жизни определяется, все пропитано Его присутствием. Нет моментов, когда это не так. Со мной не случилось ничего из ряда вон выходящего, не то чтобы я по дороге из офиса домой упал с лошади, в том числе и потому, что я езжу домой на машине, и такой вариант просто невозможен. И в то же время все исключительно. Все в повседневной жизни становится исключительным. День за днем я переживал это, и что я для этого делал? Просто следовал за Движением. Я не делал ничего другого. Я мог бы рассказать о множестве эпизодов, об отношении

с моими детьми, как они изменились, о взгляде моей жены, об отношениях с моим начальником, о любопытстве моих коллег, когда они по утрам, до работы, видят, как я в уголке читаю школу общины, и так начинается диалог. И еще множество примеров, у которых общий знаменатель – Иисус, Христос. Нет другого. Моя жизнь неизбежно и чудесно связана с Ним. После обычной беседы, какие часто случаются, потому что Бог использует все, у меня с одной из моих дочерей (она подросток) завязался прекрасный диалог. Позже в тот же день она написала мне: «Спасибо, папа, это было красиво, истинно и полезно». Что-то истинное возможно, только когда предстоишь перед Его присутствием. А польза для других возникает оттого, что это полезно и мне, и потому я сам следую, как во все эти годы. Клянусь тебе, это не я решил измениться. И уж конечно, я не в состоянии изменить обстоятельства. Они всегда одни и те же: радости, злость, трудности, риски, которых полна жизнь... Но в этот момент мне ясно одно: когда я предстою перед этим Присутствием, когда я привязан к нему, мне ничто не страшно. Может случиться что угодно, но я ничего не боюсь. Добавлю: даже смерти. Раньше, когда мне приходила мысль о смерти, то, хотя я и из Движения, какая-то минимальная тревога возникала, даже не тревога – озабоченность. А сейчас нет.

Вот интенсивность, которую может обрести жизнь, и у нее есть источник: «Сознание, о котором я почти забыл, но которое сейчас определяет каждый мой день». Что для этого нужно? Откуда берется исключительность? Из простого следования за Движением. Но верим ли мы в это по-прежнему? Верим ли мы, что следование за Движением с таким сознанием может сделать жизнь столь интенсивной? Человек вдруг замечает, что у многочисленных фактов, событий есть общий знаменатель, единый критерий – Христос, с Которым связана вся жизнь. И потому обращение – это не решение изменить самого себя, как бы произвести собственное изменение. Я просто с удивлением замечаю мое изменившееся «я», когда следую за Другим. Именно о такой интенсивности говорит отец Джуссани. Что она означает? Это «„тяга в направлении чего-то“, „тяга к“, поскольку, если интенсивность есть богатство, то это богатство струится в тебя из того, перед чем ты открываешься, к чему тянешься, в сторону чего ты протянут [из Присутствия, к которому мы устремлены]. <...> В сторону чего нужно тянуться, чтобы в нас вновь заструилось богатство, делающее возможной для нас интенсивность? <...> Богатство является таковым в той мере, в какой человек ощущает и переживает собственное существование как *предназначенное для чего-то*. Я бы хотел впервые затронуть то, что мы сейчас сказали. Тяга к чему? Чтобы переживать интенсивность, к чему мы должны протянуться? Протягиваться, тянуться к чему? Интенсивность есть горячее желание славы Христовой. Слава Христова есть Христос, являющий Себя всякому оку, всякому взору и всякому сердцу как суть всякой вещи. И это не только не нивелирует и не уплощает вещи, словно все они на одно лицо, но в каждой вещи превозносит ее непреложную индивидуальность, ее непреложное лицо». Мы это видели. Пусть такая интенсивность сможет пульсировать и в нас, как пульсирует она в твоём отношении с дочерью и с коллегами, как пульсировало оно в нашей подруге, которой захотелось вернуться к своим коллегам и рассказать им, что с ней произошло. Интенсивность – «пламенная любовь к миру, сокрушение о том, что люди не знают Христа... „что Христос не признан“» (L. Giussani. *Vivendo nella carne*. Milano: BUR, 1998. P. 258, 259, 261), от которых у нас возникает стремление рассказать о Нем. Почему у человека возникает стремление рассказать о Нем? Потому что нам оно было дано безвозмездно и побуждает нас изнутри. Чем прекраснее жизнь, тем больше нам хочется приобщить к ней наших детей, коллег, тех, с кем мы встречаемся. Будем надеяться, что мы сможем передать другим эту интенсивность, которая есть не что иное, как победа Христа в нашей жизни. В момент, когда повсюду, кажется, господствует страх, побеждает замешательство, когда на первый план вышел нигилизм, мы тем не менее встречаемся сегодня вечером, чтобы говорить о бьющем через край богатстве Сущего и о жизни, какой она становится, когда мы просто следуем за тем, что с нами случилось.

Следующая школа общины состоится в среду, 20 марта. Мы прочитали пункты о единстве и святости в Церкви, теперь перейдем к оставшимся двум «плодам», вселенскости и апостольстве (С. 254–260).

Тема февральского номера «Трачче» – «Увлекательный путь диалога». В мире, где, кажется, все определяется прежде всего или даже исключительно реакциями, мы можем наблюдать за опытом многих людей, признающих необходимость диалога, опирающегося как раз на то, что у нас есть общего. Об этом свидетельствуют многие факты, описанные в журнале, и в особенности – статьи о встречах, случившихся в Египте в связи с презентацией книги «Безоружная красота» в Александрийской библиотеке. Поразительно, что они практически не были спланированы и произошли за месяц до визита папы в Абу-Даби, став моментом диалога с миром, на первый взгляд, чуждым, который, однако, принял и развил эту инициативу, как мы видели в Александрии.

Через две недели начнется Великий Пост. Каждый год Церковь предоставляет нам возможность взять в руки нашу жизнь, наши будни, чтобы каждый мог спросить себя: «Следую ли я за Иисусом в рамках той истории, в которой Он достиг меня? По каким знакам я вижу, что следую?» Давайте используем это предложенное нам время, чтобы оно расширило наши горизонты.

Veni Sancte Spiritus